

Бушуев Александр Игоревич,
ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России

Научный руководитель:
Кривенцева Светлана Михайловна,
ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России

ДОМАШНЕЕ НАСИЛИЕ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ, ЛАТЕНТНОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ

Аннотация. Статья посвящена криминологическому анализу домашнего насилия и фемцида как его крайней формы. Рассматриваются специфические черты семейно-бытовой преступности, причины высокой латентности, включая социокультурные стереотипы, экономическую зависимость жертв и несовершенство правовых механизмов защиты. Предлагаются направления совершенствования профилактики: принятие специализированного законодательства, развитие сети кризисных центров и межведомственное взаимодействие.

Ключевые слова: Домашнее насилие, фемцид, латентность, профилактика, семейно-бытовая преступность, гендерное насилие.

Домашнее насилие в современном обществе занимает особое место среди социально-правовых проблем, и долгое время остававшееся на периферии криминологических исследований в силу традиционного представления о семье как о неприкосновенной частной сфере, сегодня признается одной из наиболее острых угроз личной безопасности и общественному здоровью. Особую тревогу вызывает его крайняя форма – фемцид, то есть убийство женщины по гендерным мотивам, которое, по оценкам экспертов, носит характер «скрытой пандемии» и представляет собой глобальный кризис современности. В России, как и во многих других странах, данная проблема обостряется сочетанием высокого уровня латентности, недостаточной эффективности правовых механизмов защиты и устойчивостью социокультурных стереотипов, оправдывающих насилие в семейных отношениях.

Криминологический анализ семейно-бытовой преступности позволяет выявить ее специфические черты, отличающие этот вид преступности от иных форм девиантного поведения. Прежде всего, следует отметить, что домашнее насилие представляет собой многослойное явление, охватывающее широкий спектр деяний – от физического и сексуального насилия до психологического и экономического принуждения. При этом, как подчеркивают исследователи, семейно-бытовая преступность характеризуется высокой степенью общественной опасности и значительной распространенностью, что подтверждается данными официальной статистики: в 2023 году в России было зарегистрировано свыше 400 тысяч случаев насилия в семье.

Структура домашнего насилия включает не только преступления против жизни и здоровья, но и посягательства на половую неприкосновенность, интересы семьи и несовершеннолетних. Согласно статистическим данным Генеральной прокуратуры РФ, доля убийств, в которых жертва и преступник приходились друг другу родственниками или бывшими партнерами, в последние годы составила 21 процент, а среди изнасилований этот показатель достиг 28 процентов, что вдвое превышает аналогичные показатели для иных категорий преступлений.

Ключевым понятием, позволяющим глубже понять природу наиболее тяжелых форм домашнего насилия, является фемцид. В международной практике под фемцидом

понимается убийство женщины, совершенное по мотивам гендерной дискриминации, ненависти или в силу укорененных патриархатных установок. Как отмечают исследователи, «ненависть к женщинам воспитывается обществом с детства», и именно эта глубинная социальная установка, транслируемая через культурные нормы и семейные традиции, создает питательную среду для насилия. При этом фемцид редко является единичным актом – он чаще всего становится «конечным результатом многолетнего домашнего насилия», когда система жестокого обращения, начавшаяся с психологического давления и унижений, постепенно эскалируется до физического насилия и, в конечном счете, убийства.

Важным аспектом криминологической характеристики домашнего насилия является личность преступника и жертвы. Исследования показывают, что отношения между ними строятся на асимметрии власти и контроля, при которой агрессор использует насилие как инструмент утверждения своего доминирования. Циклический характер насилия, при котором периоды жестокого обращения сменяются «медовыми месяцами» и обещаниями исправиться, формирует у жертвы состояние психологической зависимости, существенно затрудняющее разрыв деструктивных отношений. По данным всероссийских опросов, проведенных в 2024 году, значительная часть россиян, сталкиваясь с проявлениями домашнего насилия, не рассматривают возможность обращения за помощью, воспринимая происходящее как «семейное дело», в которое не следует вмешиваться.

Латентность домашнего насилия представляет собой одну из наиболее сложных проблем, стоящих перед криминологией и правоприменительной практикой. Даже по официальным данным, отражающим лишь незначительную часть реально существующих случаев, масштабы явления поражают: в 2024 году, по сведениям ООН, 963 женщины в России погибли в результате домашнего насилия, что составило 47 процентов от всех умышленных убийств женщин. При этом эксперты отмечают, что реальные показатели могут быть значительно выше – по оценкам криминологов, для стран с патриархальными традициями доля фемцида среди убийств женщин должна приближаться к 70 процентам.

Причины латентности домашнего насилия многообразны и укоренены в социальной структуре, правовой культуре и психологических особенностях участников семейных отношений. Прежде всего, семья традиционно воспринимается как закрытая, приватная сфера, не подлежащая внешнему вмешательству. Как справедливо отмечают исследователи, «сфера приватности семьи ограничивается там, где в силу своей закрытости она превращается в пространство безнаказанности для агрессора» [1]. Эта установка, поддерживаемая как самими членами семей, так и в определенной степени правоохранительной системой, создает непреодолимый психологический барьер для обращения за помощью.

Экономическая зависимость жертвы от агрессора выступает еще одним мощным фактором, блокирующим обращение в правоохранительные органы. Страх потерять кормильца, лишиться жилья, оказаться в ситуации материальной нестабильности заставляет женщин терпеть насилие годами. Особенно остро эта проблема стоит в регионах с низким уровнем экономического развития и ограниченными возможностями для трудоустройства, где альтернативные варианты существования практически отсутствуют.

Значительную роль в формировании латентности играют также психологические механизмы: стыд, чувство вины, страх мести со стороны агрессора, неверие в эффективность государственной защиты. Исследования показывают, что даже при обращении в полицию значительная часть заявлений впоследствии отзывается жертвами под давлением родственников или под влиянием собственных сомнений. Этот феномен, известный как «отзыв заявлений», существенно искажает официальную статистику и создает у правоохранительных органов ложное впечатление о снижении числа конфликтов.

Несовершенство системы учета и классификации преступлений также вносит вклад в латентность. В российской статистике отсутствует отдельная категория «фемцид» или «домашнее насилие», что затрудняет мониторинг и анализ ситуации. Как отмечают эксперты, термин «семейно-бытовое насилие» не отражает гендерной природы преступления и не учитывает случаи насилия в неофициальных браках или в отношениях бывших партнеров, проживающих отдельно.

Эффективное противодействие домашнему насилию требует комплексного подхода, интегрирующего правовые, социальные, психологические и культурно-просветительские меры. Международный опыт свидетельствует, что наиболее успешные стратегии профилактики включают не только ужесточение уголовного преследования, но и создание системы социальной поддержки жертв, развитие сети кризисных центров и приютов, а также широкую просветительскую работу, направленную на изменение общественных установок.

В Германии, где ежегодно фиксируется около 155 случаев фемцида, основное внимание уделяется созданию доступной системы убежищ для пострадавших женщин. Однако, как отмечается, даже в этой благополучной стране не хватает около 14 тысяч мест в женских приютах, что соответствует требованиям Стамбульской конвенции. При этом особенно уязвимыми оказываются женщины, не имеющие права на социальные пособия, вынужденные оплачивать проживание из собственных средств – многие из них возвращаются к агрессорам именно по финансовым причинам.

В российской практике проблема отсутствия специализированного законодательства о профилактике домашнего насилия остается одной из наиболее острых и дискуссионных. Несмотря на широкое общественное обсуждение и неоднократные законодательные инициативы, отдельный закон о противодействии домашнему насилию до сих пор не принят. Как показали всероссийские опросы, большинство россиян признают домашнее насилие значимой социальной проблемой и поддерживают необходимость дополнительных мер защиты, однако на политическом уровне решение вопроса блокируется как консервативными силами, апеллирующими к «традиционным семейным ценностям», так и опасениями чрезмерного вмешательства государства в частную жизнь.

Домашнее насилие и фемцид представляют собой сложный криминологический феномен, детерминированный переплетением социокультурных, экономических, психологических и правовых факторов. Высокий уровень латентности, обусловленный закрытостью семейной сферы, экономической зависимостью жертв и недостаточной эффективностью правовых механизмов защиты, существенно затрудняет как оценку реальных масштабов проблемы, так и разработку адекватных мер противодействия. В то же время, современная криминология располагает достаточным инструментарием для анализа и прогнозирования насильственных проявлений в семейной сфере, что создает основу для формирования научно обоснованных рекомендаций по их профилактике.

Список литературы:

1. Фомина П.А. Актуальность проблемы противодействия насилию в семье. Особенности причинного комплекса семейно-бытовой преступности в России // Актуальные проблемы семейного права. Тверь: Тверской государственной университет, 2025. С. 111-116.
2. Савин С.Д., Щепельков В.Ф., Сидорова А.Н. Домашнее насилие как социальная проблема в российском обществе: между приватностью и публичностью // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 1. С. 64-78.
3. Использование специальных знаний психолога при расследовании убийств в семейно-бытовой сфере, совершенных женщинами // Эксперт-криминалист. 2025. № 2. С. 26-28.

